

DOI: 10.36340/2071-6818-2021-17-1-145-160

PUSHKIN AND CHINA

Summary: The literary heritage of Alexander Pushkin is well known to a wide range of readers. A line in a letter to Count A. Benckendorff, written in January 1830 and in which Pushkin asks permission to let him go to China, attracts attention. The purpose of the article is to try to find out what reasons prompted Pushkin to make such a request. It is essential to understand the age during which the poet lived. The fascination with Chinese culture came to Russia from France, which significantly impacted Russia's life in the 18th–19th centuries. Chinese goods, the so-called Chinese rarities, began to appear in Russia even during Peter I's reign, who often gave orders to buy them for the St. Petersburg Kunstkamera. Exotic things from China were delivered to St. Petersburg by caravans from Beijing through Siberia and the Urals or by sea on ships of the East India Company through Western Europe. Empress Catherine II set the fashion for interiors in the Chinese style: the Chinese Palace (1762–1768) appeared in Oranienbaum; Chinese buildings, the largest complex of buildings in the Chinese style, appeared in Tsarskoe Selo. There, in Tsarskoe Selo, in 1811, Emperor Alexan-

der I established the Imperial Lyceum, in which Alexander Pushkin studied, and where, undoubtedly, the poet's first encounter with the Middle Kingdom occurred. At this time, Russian periodicals also paid much attention to China. In them, articles about the trade of Europeans in China, about porcelain and silk factories, as well as about the wisdom of Chinese rulers and moral instructions for posterity began to be published. Pushkin read a lot and could not have been unaware of these publications. The acquaintance of Pushkin with monk Father Iakinf (N. Bichurin), an outstanding Russian sinologist, had a significant influence on the poet. Father Iakinf was appointed the Head of the ecclesiastic mission in Beijing in 1807 and lived there until 1821. As the examination of Pushkin's library shows, the poet had Bichurin's books about China. Also, he read Jean-Baptiste Du Halde's book *The General History of China* in the Russian translation known at that time. As the study shows, Pushkin was interested in China and was going to visit it; however, fate had its own plans.

Keywords: A. Pushkin, Tsarskoe Selo, Eugene Onegin, N. Bichurin, China.

der I established the Imperial Lyceum, in which Alexander Pushkin studied, and where, undoubtedly, the poet's first encounter with the Middle Kingdom occurred. At this time, Russian periodicals also paid much attention to China. In them, articles about the trade of Europeans in China, about porcelain and silk factories, as well as about the wisdom of Chinese rulers and moral instructions for posterity began to be published. Pushkin read a lot and could not have been unaware of these publications. The acquaintance of Pushkin with monk Father Iakinf (N. Bichurin), an outstanding Russian sinologist, had a significant influence on the poet. Father Iakinf was appointed the Head of the ecclesiastic mission in Beijing in 1807 and lived there until 1821. As the examination of Pushkin's library shows, the poet had Bichurin's books about China. Also, he read Jean-Baptiste Du Halde's book *The General History of China* in the Russian translation known at that time. As the study shows, Pushkin was interested in China and was going to visit it; however, fate had its own plans.

Keywords: A. Pushkin, Tsarskoe Selo, Eugene Onegin, N. Bichurin, China.

der I established the Imperial Lyceum, in which Alexander Pushkin studied, and where, undoubtedly, the poet's first encounter with the Middle Kingdom occurred. At this time, Russian periodicals also paid much attention to China. In them, articles about the trade of Europeans in China, about porcelain and silk factories, as well as about the wisdom of Chinese rulers and moral instructions for posterity began to be published. Pushkin read a lot and could not have been unaware of these publications. The acquaintance of Pushkin with monk Father Iakinf (N. Bichurin), an outstanding Russian sinologist, had a significant influence on the poet. Father Iakinf was appointed the Head of the ecclesiastic mission in Beijing in 1807 and lived there until 1821. As the examination of Pushkin's library shows, the poet had Bichurin's books about China. Also, he read Jean-Baptiste Du Halde's book *The General History of China* in the Russian translation known at that time. As the study shows, Pushkin was interested in China and was going to visit it; however, fate had its own plans.

der I established the Imperial Lyceum, in which Alexander Pushkin studied, and where, undoubtedly, the poet's first encounter with the Middle Kingdom occurred. At this time, Russian periodicals also paid much attention to China. In them, articles about the trade of Europeans in China, about porcelain and silk factories, as well as about the wisdom of Chinese rulers and moral instructions for posterity began to be published. Pushkin read a lot and could not have been unaware of these publications. The acquaintance of Pushkin with monk Father Iakinf (N. Bichurin), an outstanding Russian sinologist, had a significant influence on the poet. Father Iakinf was appointed the Head of the ecclesiastic mission in Beijing in 1807 and lived there until 1821. As the examination of Pushkin's library shows, the poet had Bichurin's books about China. Also, he read Jean-Baptiste Du Halde's book *The General History of China* in the Russian translation known at that time. As the study shows, Pushkin was interested in China and was going to visit it; however, fate had its own plans.

in correspondence with friends. Nevertheless, as can be seen from the drafts, he thought about China: words "Chinese" or "Confucius" would come up here and there. What made him ask to go to China? The first try to clarify this issue was made by Mikhail Alekseev (1896–1981), an outstanding Soviet literary critic, academician of the USSR Academy of Sciences, Pushkin scholar. He published his research "Pushkin and China" in *Pushkin and Siberia* in 1937 and then supplemented it in the monograph *Pushkin and World Literature* (1987) fifty years later. In subsequent years, not much new information on this issue appeared; here, a short chapter about Pushkin by P. Denisov in the monograph *The Life of Monk Iakinf Bichurin* (1997) should be noted.

For Pushkin, China remained an unknown, mysterious country; however, France was what he knew well. "Numerous and strong threads connect Pushkin's work with French literature and art of the 18th century," writes M. Alekseev, "It can be considered well established that in childhood and adolescence, he absorbed the most significant French poetry of that time. A natural question arises: could he have passed by that "Chinamania", which many rulers of his thoughts so strongly captured? Suffice it to recall Voltaire. <...> Impressions from this frenchified China should have undoubtedly intensified in Pushkin in the Chinese atmosphere of Tsarskoye Selo in the time of his lyceum life." [1, p. 115]

Pushkin (1799–1837) was born in an era when the fascination with China began to fade. However, he could imagine it from the interior items in some houses, buildings in the Chinese style, which he sometimes observed.

In Europe, the enthusiasm for China began in the 17th century. Chinese porcelain, lacquer work, lacquer furniture, and other Chinese art items began to be imported to France on Portuguese and Dutch ships. "A fashion for 'Chinese rooms', for which Watteau and Boucher painted their conventionally Chinese decorative panels with theatrical landscapes and faded colors, appeared in the 18th century. The new fashion also affected architecture: Chinese turrets, temples, and houses began to be erected more and more in parks and places of entertainment; they are also imitated by the palace architecture where an exquisite line, drowned in abundant ornamentation and asymmetry, became a rule. At the same time, the Chinese garden also became a subject of admiration and imitation." [1, p. 111]

Also, the Chinese theme came to European literature and philosophy. China appeared to Europe-

ans as a fairytale country, and literature began to be filled with scenes of "imaginary China", a country with an ideal lifestyle that was increasingly being opposed to that period's reality. At this time, *Chinese Letters* by Marquis d'Argens (1741), *The Citizen of the World* by Goldsmith (1762), and *Persian Letters* by Montesquieu – "satirical pictures of European life from the point of view of an ideal Chinese observer", appeared [1, p. 112]. Europe got acquainted with the philosophy of Lao-Tzu, then with the philosophy of Confucius, whom "materialistic philosophy summoned as an advisor and looked for points of support in him. In a number of his writings, Voltaire admired the beauties of Chinese morality and glorified the Chinese institute of the mandarinat, which so corresponded to his theories of enlightened absolutism. And it is characteristic that the Chinese plot often served him for the purposes of acute philosophical polemics. Voltaire's drama *The Chinese Orphan*, as it is known, is directed against Rousseau's main thesis that art and science corrupt morals: in it, Voltaire made the Chinese civilization win over the belligerent savagery of Genghis Khan. <...> Voltaire notes that if a philosopher wants to talk about the events of the world, he must first cast his eyes to the east – to 'the cradle of all arts, which the West is wholly obliged to'" [1, pp. 112–113].

Peter the Great (1672–1725) also wanted to have "his own China". Trade with China was developing, and Peter I often gave orders to buy "Chinese rarities" for the St. Petersburg Kunstkamera. "They were delivered to St. Petersburg by caravans from Beijing through Siberia and the Urals or by sea on ships of the East India Company through Western Europe. Oriental 'curiosities' – entertaining objects, mechanical toys, scientific instruments, mysterious Buddhist idols, and 'naturalia', that is, natural objects and products made of rare minerals (from agalmatolite or jade), represented the wonders of distant China. This 'theater of the universe', as the Kunstkamera was then called, amazed, awakened curiosity as well as a thirst for knowledge of the unknown." [11, p. 7] Gradually, the Russian nobility also began to collect porcelain and other objects of Chinese decorative and applied art, decorating the interior in the Chinese style. Chinese pavilions appeared in gardens.

As M. Alekseev noted, "the Russian sinicism of Catherine's times was a fragment of the French one" [1, p. 115]. The fashion for the Chinese was started by Empress Catherine II herself (in power from 1762

Ill. 1. N. Bichurin. Lithograph by A. Orlovsky.jpg

to 1796). "In an age when letter-writing ranked as an art, Catherine excelled as a correspondent, delighting such men as Voltaire and Diderot with her lively, intimate and seemingly frank letters" [15, p. 157]. In her correspondence with Voltaire, she often referred to China; and in the correspondence with Prince Charles-Joseph de Ligne (1735–1814), she talked about the beauties of the Chinese language or reported an extract from a Beijing newspaper about the Chinese emperor, "my sweet and ceremonial neighbor with small eyes" [1, p. 115]. "Her correspondence with men of learning kept Catherine in touch with artistic developments in western Europe. She also used her ambassadors to acquire objects of beauty for her and to persuade foreign artists to enter her employ in Russia. In architecture, as in so much else, it was Catherine who completed the break with the past begun by Peter the Great. She swept away the last surviving remnants of the Muscovite style and instilled in her subjects an attitude which made it possible for Russia not only to turn her back on traditional forms but even to destroy them." [15, p. 157] The Chinese Palace (1762–68) appeared in Oranienbaum; Chinese buildings,

the largest complex of buildings in the Chinese style, appeared in Tsarskoye Selo. A Chinese theater with peaked windows, designed by architect Cameron, was built here in 1779. "The interior decoration in the theater is also in the Chinese style; boxes in two tiers for the courtiers, and the stalls for the public. During the time of Emperor Nikolai Pavlovich, French performances were often given here in the summer. <...> Not far from the theater, there are greenhouses with four pavilions; to the left – a pond with Chinese bridges, a wooden umbrella, Chinese gardens, and flower beds, and finally, a Chinese village, built according to the drawings of architect Cameron and consisting of 19 small houses in the middle of which, on the square, there is a large round rampart with a dome similar to Chinese pagodas. "The houses were designated for the noble guests who came to the Court and court courtiers. Inside, some of the houses were richly and beautifully decorated with faience stoves and fireplaces; the walls were decorated with faience tiles, corresponding to other interior decorations. <...> The construction and decoration of these houses were designed in the Chinese style according to the plans sent from the Russian mission in Beijing, based on which architect Cameron made plans and estimates to be submitted for the Empress's consideration and approval" [14, pp. 32–33]. "What lovely though small gardens on both sides!" wrote I.Yakovkin. In 1820, they were decorated with cast iron bars with posts and decor. Not far away, there were two cast-iron bridges "in the Chinese style and with the same decorations. According to these drawings, they were cast in parts at Siberian factories, and they were placed on stone foundations here in 1772". [14, p. 165].

Russian periodicals of Catherine's times picked up the Chinese theme. In 1759, Sumarokov translated "A Monologue from the Chinese Tragedy *An Orphan*" from German; one of the first Russian Sinologists, A. Leontiev, author of *The Testament of Yun-gen, the Chinese Khan* and the translation of *Chenzia, the Chinese Philosopher Council* from Chinese (published in the *Truten* magazine), cooperated in *Pustomelya* magazine. "The magazines of the second half of the 18th century were full of news 'about the trade of Europeans in China', characteristics of the Chinese merchants, descriptions of porcelain factories and silk factories. In the *Yaroslavl Monthly Essays*, 'an extract from a Chinese book called an example of virtue for descendants, stored in the order of the moral rulers in Beijing', was published.

Vasily Ruban issued two editions, dedicated to Peter Eropkin, of the book *A Chinese Sage or How to Live Happily in Society* (1777). <...> Vasily Nechaev translated Voltaire's *Chinese Orphan* (1788, 1795) in verse. <...> Imitating Montesquieu and Goldsmith, Sushkova placed 'A Letter from a Chinese to a Tatar Murza who Lives in St. Petersburg' in *Sobesednik Lubitelei Rossiiskogo Slova* (Part V, 1783). Dubrovsky translated Voltaire's 'On Glory. A Conversation with a Chinese' (1756), and it was printed again in *Prohladniye Chasi* (1793), and so on" [1, P. 117]. The magnitude and scope of Russian enthusiasm for China were very significant at that time, and this fashion came from France.

In his *Notes*, F. Vigel, one of the famous Russian memoirists, an acquaintance of Pushkin, pointed out, not without irony, the strong influence that France had on the life of Russia: "Since the time of Peter the Great, fate has ordered Russia to be submissive to some of the states or peoples of Europe and worship them as an idol. To please Peter, one had to become Dutch; Germany ruled over us under Anna Ioannovna and Biron; Laschetardi appeared under Elizaveta Petrovna, and the temptations of France began. They multiplied and intensified due to the passion of Catherine II for French literature and her friendship with the philosophers of the 18th century. Peter III and Paul I wanted to make us Prussians. In the first years of Alexandrov's reign, England was our patroness. Might it be that Poland is becoming our idol?" [3, p. 154]. "Along with the Versailles prejudices, French literature also came into fashion," continues Vigel, "in high society, they knew its classical authors by heart, and the century of Louis XIV was put above the centuries of Augustus and Pericles: noble ladies read Massillon and Bourdaloue with admiration, and some of them were already preparing for the perception of Catholicism like abbots; semi-enlightened roues preached atheism and swore by Voltaire and Diderot; sensitive young men, women belonging to secondary societies, and young writers, also alien to the upper circle, were captivated by the tenderness, madrigals, grimaces of minor French writers" [3, p. 96].

Pushkin could not have been unaware of the literature of the 18th century, both Russian and French. It can be seen from the characteristics given to Pushkin by his friend N. Smirnov: "Although Pushkin studied carelessly in his youth, he was able to acquire a vast knowledge of literature and history subsequently. He read a lot and, gifted with an extraor-

dinary memory, kept all the treasures he collected from books; he studied Russian history; from it, the whole era from the beginning of the reign of Peter the Great to the present day, he studied especially well. His head was filled with characteristic anecdotes about all the famous people of the last century, and he loved to tell them..." [6, p. 345].

Pushkin's acquaintance with China, perhaps, began at the Imperial Lyceum in Tsarskoe Selo, established in 1811 by Emperor Alexander I and subsequently transferred by Emperor Nicholas I to St. Petersburg. The lyceum was established "to educate young people, who were especially intended for important state services and consisted of the most excellent pupils of noble families" [4, P. 4]. The lyceum was located in one of the buildings of the palace where the grand dukes lived, and it was separated only by a small arch from the royal palaces. Among the pupils of the Tsarskoye Selo Lyceum, in addition to Pushkin, there were Baron Delvig, Count M. Korf, Prince Gorchakov, and others. There was a noble boarding house at the Lyceum. In 1838, Emperor Nicholas I connected Tsarskoe Selo with the capital by rail. Since that time, Tsarskoe Selo has become one of the most populated summer cottages in the vicinity of St. Petersburg, as well as the permanent residence of many Petersburgers [4, p. 4]. It was these alleys that Pushkin wandered every day; could he not think about distant China? Unlikely. The book *The History of the Tsarskoye Village. In three parts. Compiled from the files of the Archive of the Board of the Tsarskoye Village by Ilya Yakovkin. St. Petersburg. 1829–1831* with the mark "Pushkin" was found in his library. It suggests that he was interested in the history of Tsarskoe Selo's construction [9, p. 605]. At the beginning of the 19th century, the appearance of the village began to change rapidly; however, one could still catch the spirit of the 18th century in some parts of it.

Pushkin had to see Chinese buildings in Moscow as well. "In the last *Journey from Moscow to St. Petersburg*, Pushkin, reflecting on the 'innocent oddities of Muscovites', wrote that they 'lived in their own way, amused themselves as they wanted, caring little about the opinion of their neighbors. There were days when a rich eccentric would build himself a Chinese house with green dragons, with wooden mandarins under gilded umbrellas on one of the main streets. Another would go to Maryina Roshcha in a carriage made of forged silver of 840 fineness'" [2, p. 323].

Pushkin could have also learnt about China from the theater, which he had attended for three years after graduating from the Lyceum (1817). He was aware of all theatrical genres, loved opera and, in particular, ballet. Studying Pushkin's drafts, Yuri Slonimsky [10] concluded that Pushkin wrote his first chapter *Eugene Onegin* under the impression of the Chinese ballet by Charles-Louis Didelot, which was staged in Petersburg in the fall of 1819 [2, p. 325]. "On August 30, the premiere of the only ballet in the first third of the century took place, where the Chinese were the main characters and performed side by side with cupids and snakes. <...> These were images of Didelot's ballet *Henzi and Tao, or Beauty and the Beast. Big Chinese Ballet in 4 acts, Composed by Mr. Didelot*, as the posters and a separately published libretto (St. Petersburg, 1819) stated, to the music of Antonolini, with sets by Canoppi, Toselli and Kondratyev, Burce machines and Babini's costumes" [2, p. 325].

Slonimsky believed that Pushkin attended this ballet more than once. Alekseev is sure of one visit, namely October 30, 1819. As Alekseev states, in its first edition, "this ballet was staged by Didelot during his theatrical activity in England at the Royal Theater in London (to music by Federici; May 14, 1801). Eighteen years later, in St. Petersburg, this ballet was staged in a completely renewed and reworked form" [2, p. 325].

"At the end of the XXI stanza, Pushkin described the feelings of his disappointed, absent-minded and skeptical hero Onegin in theatrical chairs at the performance of Didelot's ballet and included the following phrases in Onegin's lines:

Balety dolgo ya terpel, (I endured ballets for a long time)

No i Didlo mne nadoyel (But I got tired of Didelot as well) [2, p. 324]

"From the next XXII stanza, it will become clear that Onegin left the theater before the end of the ballet performance:

Yeshche amury, cherti, zmei (Cupids, devils, snakes)

Na stsene skachut i shumyat; (are still jumping and making noise on the stage)

.....

A uzh Onegin vyshel von: (however, Onegin is already out)

Domoy odet'sya yedet on. (he is going home to get dressed)

Slonimsky drew attention to the fact that in the versions of this stanza, there are mysterious lines, which were eventually deleted from the text (or replaced by the poet):

Yeshche kitaytsy, bogi, zmei (still the Chinese, gods, snakes)

or

Yeshche kitaytsy, cherti, zmei (still the Chinese, devils, snakes) <...> there is another line:

V chetvertom deystvii shumyat (in the fourth act, they are making noise)" [2, p. 324].

As Alekseev notes, while working on Onegin's historical education characterization, Pushkin reflected on China in the drafts of the first chapter of *Eugene Onegin*, written in Odessa no later than June 1823.

"Mudrets Kitaya (sage of China)

[Crossed out: Confucius]

Nas uchit yunost uvazhat (teaches us to respect youth)

[and]

[Ot zabluzhdeniy okhranyat (protect from delusions)] (?)

[Ne toropitsya osuzhdat (take your time to judge)]

[Ona odna dayet nadezhdu (it alone gives hope)]

[Nadezhdu mozh (hope)]" [1, p. 125]

The mention of Confucius was later deleted from the text, and we will never know how Pushkin wanted to link the mention of Confucius with Onegin.

During his exile to the south (1820–24), Pushkin visited the Caucasus, Crimea, Kishinev, and Odessa. In Kishinev and Odessa, Pushkin met with an acquaintance, F. Vigel, who knew a little about China. In 1805, Vigel, who was nineteen, went with the embassy of Count Y. Golovkin (1762–1846) to China; however, the embassy failed due to many mistakes made by the ambassador; it was not admitted to Beijing. The ambassador was sent from Urga back to Russia by the Chinese king [3, p. 248]. Nevertheless, Vigel, who only reached Maimachin, a Chinese settlement located in Mongolia near the Russian border opposite Kyakhta, preserved this Chinese town's image in his memory. He probably shared these memories in conversations with friends.

In 1824, Yegor Timkovsky's three-volume *Journey to Mongolia and China* was published. Since 1825, the Moskovskiy Telegraf and Sibirskiy Vestnik of Grigory Spassky began to pay considerable attention to China and neighboring countries. In 1825, it was renamed the Aziatskiy Vestnik. In April 1825, from Mikhailovskoye, Pushkin, among other books, unexpectedly asked his brother to send him

"Sibirskiy Vestnik. All" [1, p. 127]. It contained many materials about China, including the trip to China of the Siberian Cossack Ivan Petlin and the Spafariya's "journal", Chinese political news, and translations of European sinologists' works. Sibirskiy Vestnik has been preserved as part of his library for the period from 1818–24 with omissions of individual books.

Facts from the biography of Pushkin's great-grandfather (grandfather to his mother, Nadezhda Pushkina, born Hannibal), who was near the walls of China, could also have fueled interest in China. The text of the translation of the German biography of Abram Hannibal (1697 (1698?) – 1781), the ancestor of the Russian genus Hannibals, was found in Pushkin's archive, made by Pushkin on ten pages presumably between August 1825 and August 1827. From this translation, it becomes known that after the death of Empress Catherine I, Hannibal was removed from the court by Prince Menshikov, "on the other side of the Amur River, to the then Chinese border, to an enterprise that, as it seemed, was created almost only for the purpose to keep Hannibal as long as possible away from the court until the final oblivion. And even after the fall of Menshikov, the Dolgorukov princes standing at the helm of the state showed just as little need to see Hannibal at court, and he still remained near the border with China" [9, p. 55].

Approximately in 1827–28, Pushkin met the outstanding founder of Russian sinology, Nikita Bichurin (Father Iakin, 1777–1853). At the time of their acquaintance, Bichurin was about 50 years old, Pushkin 28. Bichurin was sent to China in 1807 as the head of the Ninth Beijing Orthodox Spiritual Mission and had lived in China for 14 years (1807–21) "from where he returned to St. Petersburg in January 1822 with a huge chest of rarities and manuscripts and a wonderful knowledge of the Chinese language" [1, p. 128].

Upon returning to St. Petersburg, he was "placed in residence at the Alexander Nevsky Lavra and assigned to the Ministry of Foreign Affairs. Soon he began to appear in the high society of St. Petersburg in his original semi-monastic clothes, with his exemplary French and English speech and outstanding knowledge of the history of the Far East. He was noticed here, and he was provided with protection and support; no wonder his first book, *Description of Tibet*, is dedicated to Countess Zinaida Volkonskaya. At the same time, he became a welcome contributor to many magazines, Moskovsky

Telegraph, Moskovsky Vestnik, and others. Pushkin could not help but pay attention to him. They met, and a very friendly relationship was established between them" [1, p. 129].

Returning from China, Bichurin began to actively engage in literary activity, publishing materials prepared by him in Beijing. Pushkin, who was interested in the East, could not help but know his scientific publications in the capital's journals. After they met, the poet and scientist probably met more than once in the literary salons of the capital, where they could have had lively conversations on the topic of the East. "Academician M. Pogodin, describing the literary salon of Prince V. Odoevsky, wrote: 'Since Odoevsky began to live in St. Petersburg with his household, evenings opened at his place once a week, where his friends and acquaintances gathered – writers, scientists, musicians, officials. It was an original gathering of heterogeneous people, often even hostile to each other, but somehow remarkable. All of them, on neutral ground, felt completely free and treated each other casually. Merry Pushkin and Father Iakin with narrow Chinese eyes, a fat traveler, a heavy German – Baron Schilling, who returned from Siberia, and a lively, pretty Countess Rostopchina, Glinka and professor of chemistry Hess, Lermontov and clumsy but knowledgeable archaeologist Sakharov met here. Krylov, Zhukovsky, and Vyazemsky were regular visitors. Here, for the first time, Gogol appeared on the stage of the great world, met by Odoevsky with friendly participation at first. The host's impartial personality affected the guests, who became both kinder and more indulgent towards each other" [7, p. 56–57; 5, pp. 104–105].

If we talk about the relationship between Pushkin and Bichurin, they had a lot in common, take, for example, the study of languages. Bichurin made a significant contribution to the study of the Chinese language, composing the first *Chinese Grammar* (1837); Pushkin also passionately studied languages. "First of all, the abundance of languages that Pushkin dealt with to one degree or another is striking. French, Old French, Italian, Spanish, English, German, Ancient Greek, Latin, Old Russian, Church Slavonic, Serbian, Polish, Ukrainian, Hebrew, Arabic, Turkish – sixteen languages" [9, p. 22]. "Here is what a contemporary, Senkovsky, wrote about Pushkin's study of languages: 'Of all the languages, he knew only French at the Lyceum and very little Latin. Later, already in adulthood, he learnt Italian, German,

English, and Polish, and only to the extent that this knowledge was necessary for reading great examples of poetry and literature. In reading, he was distinguished by the same quickness of thought and insight that allowed him to be equal in success with the most diligent friends: often, not literally understanding Shakespeare, Goethe, Byron, he guessed, comprehended and interpreted them more correctly and wittily than sometimes good language experts, translators and commentators did" [9, p. 21–22].

The Christian faith also united Pushkin and Bichurin. As mentioned above, Pushkin knew the Church Slavonic language needed for reading the Bible. "A hundred years ago, knowledge of the Church Slavonic language was natural for every literate person. The Bible was a widely read book. It had not been published in Russian yet – it was read in French or Church Slavonic. Pushkin, staying in exile in Mikhailovskoye, wrote several times asking to send him two Bibles, that is, in these two languages. Back in 1821, he translated *Song of Solomon* from the Church Slavonic language. Pushkin was also engaged in the Old Russian language, and he did a great deal of work on the text of *The Tale of Igor's Campaign* [9, p. 24].

Iakinf's books found in Pushkin's library indicate that Iakinf treated Pushkin with great sympathy and warmth. Thus, Bichurin signed his first book, *Description of Tibet: its Current State with a Map of the Road from Chen-Du to Khlassi (sie). Translated from Chinese, St. Petersburg. 1828*, as follows: "Milostivomu gosudaryu moyemu Aleksandru Sergeyevichu Pushkinu ot perevodchika v znak istinnogo uvazheniya. April 26 dnya 1828 g" (To my dear sir Alexander Sergeevich Pushkin from the translator as a sign of genuine respect. April 26th, 1828) [1, p. 132]. In 1829, Bichurin presented Pushkin with his seventh book, *San-Zi-Jin and a Trinity Canon with a Lithographed Chinese Text* (St. Petersburg, 1829), with the note "Aleksandru Sergeyevichu Pushkinu ot perevodchika" (to Alexander Sergeevich Pushkin from the translator) [1, p. 133]. It is also known that, after the preparation of the manuscript of *The History of Pugachev* for publication, Pushkin got acquainted with Bichurin's work *Historical Review of the Oirats or Kalmyks from the 15th Century to the Present* (which was published as a separate publication in 1834 and was highly appreciated by scientific circles; in 1835, Bichurin was awarded the full Demidov Prize for this work by the Russian Academy of Sciences). Therefore, Pushkin arranged the informa-

tion from this work as an appendix "to his manuscript of the corresponding pages of the magazine print" [5, p. 106]. Thus, in *The History of Pugachev*, he noted with gratitude: "We owe the most reliable and impartial news of the escape of the Kalmyks to Father Iakinf, whose deep knowledge and conscientious labors have shed such a bright light on our relations with the East. With gratitude, we place here the fragment he communicated from his still unpublished book about the Kalmyks" [5, p. 106].

At the beginning of 1830, Father Iakinf was going to go on an expedition with Schilling von Cannstatt. The Ministry of Foreign Affairs organized the expedition to survey the local population's situation and collect information about trade at China's northern and western borders (the Khalkha-Mongolia region). "Besides N. Bichurin, A. Pushkin's friend, writer V. Solomirsky, whose duties included maintaining expeditionary documentation, was included in the expedition. A young Buryat, Rinchin Vanchikov, who proved to be an excellent mediator between scientists and the Buryat population, accompanied the expedition members as an interpreter. In Transbaikalia, a former student of the Tenth Spiritual Mission in Beijing, K. Krimskiy, and several local administration representatives were engaged in the expedition's work. According to Schilling's plan, the post of an expedition secretary was intended for Pushkin" [5, p. 106]. It should be assumed that this can explain Pushkin's letter of January 7, 1830, to Count A. Benckendorff with a request to go to China.

Despite the rejection of the request to visit China, Pushkin could not stop thinking about this country. It is known that when, a few months later, in May 1830, Pushkin had visited the Goncharovs' estate, the Linen Factory, near Kaluga for several days, he read the books of Jean-Baptiste Du Halde: *Description of the Empire of China* (Part I and Part II), and *About the Chinese Cities* in the Russian translation [12, p. 36]. *Description of the Empire of China. Part II* in Russian translation has been preserved in Pushkin's personal library.

Thus, we see that living in an era when Russian and Chinese relations were actively developing, Pushkin could not stay away from the country's political and economic events. Interest in China was fueled by translations of Chinese texts in Russian magazines. At that time, Russian sinology was just beginning to develop, and Pushkin was familiar with one of the outstanding sinologists of his time, Bichurin, with whom he developed a warm relationship.

Pushkin read a lot about China, trying to “understand” it, perhaps accumulating material. Thoughts about China did not leave him even after the rejection of the request to visit China. However, the poet’s life was suddenly cut short, and mysterious China remained on the pages of the draft... In a conver-

sation with A.Zhirkevich on December 20, 1890, Leo Tolstoy said: “All our so-called classical literature can be called youth. Pushkin, Lermontov, Gogol – they all died, unfortunately, at the moment when their talent was growing stronger, when they could have given major, amazing works to the world...” [8, p. 21].

REFERENCES

1. Alekseev M.P. “Pushkin and China” // *Pushkin and Siberia* [Collection of articles]. Moscow; Irkutsk: Vostsi-boblgiz, 1937.
2. Alekseev M. *Pushkin and World Literature*. Leningrad: Science, 1987.
3. Vigel F.F. *Notes*. Moscow: Artel of writers Circle, 1928. Vol. 1.
4. Volkov A. *Tsarskoe Selo: its Palaces, Parks, Gardens, Monuments in the Past and Present*. Moscow: Tovarishestvo M.Wolf, 1894.
5. Denisov P.V. *The Life of the Monk Iakinf Bichurin*. Chuvashskoey Publishing House, 1997.
6. *The Diary of A. Pushkin (1833–1835)*. Moscow: State Publishing house, 1923.
7. Pogodin M.P. “Memories of Prince Vladimir Fedorovich Odoevsky” // In Memory of Prince Vladimir Odoevsky. Meeting of the Society of Russian Literature Lovers, April 13, 1869. Moscow: Russkogo Publishing House, 1869.
8. Polosina A. N. “L. N. Tolstoy and A. S. Pushkin: Comparative History of Personal Libraries” // *Scientific Notes of Kazan University. Humanitarian Sciences Series*, 2018. Vol. 160, book 1, pp. 17-28.
9. Pushkin. A.S. *Complete Works in Ten Volumes. V.10. Letters*. Moscow: Nauka Publishing House, 1966.
10. *By the Hand of Pushkin*. Uncollected and Unpublished Texts / Prepared for publication and commented by M. Tsyavlovsky, L. Modzalevsky, T. Zenger. Moscow; Leningrad: Academia, 1935.
11. Slonimsky Y.I. *Pushkin’s Lines about Ballet*. Leningrad: Iskusstvo, 1974, pp. 79–80.
12. Sosnina O.A. “Imaginary China in Russian Culture: from Chinoiserie to Avant-garde” // *Imaginary East: China in the Russian Style. 18th – early 20th Centuries* / comp. O.Sosnina. Moscow: Kuchkovo Pole, 2016, pp. 6-23.
13. Scheglov I. *The Ascetic of the Word: New Materials about N. Gogol*. St. Petersburg: Mir V. Bogushevskogo, 1909.
14. Yakovkin I.F. *A Description of the Village of Tsarskoe, or a Companion Observing it, with a Plan and Brief Historical Explanations*. Compiled by Ilya Yakovkin. St. Petersburg: Printing House of the Department of People’s Education, 1830.
15. T. Talbot Rice. *Czars and Czarinas of Russia*. New York: Lothrop, Lee and Shepard Co., Inc., 1968.

DOI: 10.36340/2071-6818-2021-17-1-145-160

ПУШКИН И КИТАЙ

Аннотация: Литературное наследие А. С. Пушкина достаточно хорошо известно широкому кругу читателей. Приковывает к себе внимание строчка в письме к графу А. Х. Бенкендорфу в январе 1830 года, где Пушкин просит отпустить его поехать в Китай. Цель данной статьи — попытаться выяснить, какие причины побудили А. С. Пушкина обратиться с такой просьбой. Здесь очень важно понимание эпохи, в которую жил поэт. В Россию увлечение китайской культурой пришло из Франции, которая имела огромное влияние на жизнь России XVIII–XIX вв. Китайские товары, так называемые «китайские раритеты», начинают поступать в Россию ещё при Петре I, который часто давал поручения закупить их для петербургской Кунсткамеры. Диковинные вещи из Китая доставляли в Санкт-Петербург караванами из Пекина через Сибирь и Урал или морем на кораблях Ост-Индской компании через Западную Европу. Моду на интерьеры и постройки в китайском стиле задаёт императрица Екатерина II: в Ораниенбауме появляется «Китайский дворец» (1762–1768), в Царском Селе — китайские постройки, наиболее крупный комплекс сооружений в китайском стиле. В Царском Селе в 1811 году императором Алексан-

Сегодня мы смотрим на то, как стремительно развивается китайская экономика, растут ввысь города, ослепляя взоры отражением солнца в голубом стекле небоскрёбов, мчатся во все концы страны высокоскоростные поезда, развивающие скорость более 300 км/ч. Быстрые темпы развития Китая притягивают взгляды людей всего мира. А ведь 190 лет назад в своём письме от 7 января 1830 года к шефу корпуса жандармов, Главному начальнику III отделения Собственной Его Величества канцелярии и ближайшему сподвижнику императора Николая I, графу А. Х. Бенкендорфу, А. С. Пушкин писал: «Генерал, явившись к вашему превосходительству и не имев счастья застать вас, я приемлю смелость изложить вам письмен-

ном I был учреждён Императорский лицей, в котором учился А. С. Пушкин, и где, несомненно, произошло первое знакомство поэта со Срединной империей. В это время большое внимание Китаю уделяет и российская периодика, где появляются статьи о торговле европейцев в Китае, о фарфоровых фабриках и шёлковых заводах, а также о мудрости китайских правителей и нравоучительных наставлениях для потомков. Пушкин был много читающим человеком и не мог не знать этих публикаций. Большое влияние на Пушкина оказало знакомство с выдающимся русским китаеведом монахом о. Иакинфом (Н. Я. Бичуриным), в 1807 году назначенным начальником духовной миссии в Пекине и прожившем там до 1821 года. Как показывает изучение библиотеки Пушкина, у поэта имелись книги Бичурина о Китае, читал он также известную в то время книгу Жана-Батиста Дюгальда в русском переводе «Описание Китайской империи». Как видно из источников, Пушкин интересовался Китаем и явно собирался его посетить, но у судьбы были свои планы.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, Царское село, «Евгений Онегин», Н. Я. Бичурин, Китай.

но просьбу, с которой вы разрешили к вам обратиться. Покамест я ещё не женат и не зачислен на службу, я бы хотел совершить путешествие во Францию или Италию. В случае же, если оно не будет мне разрешено, я бы просил соизволения посетить Китай с отправляющимся туда послом» [9, С. 805]. Пушкин хотел съездить в Китай, но его просьба была отклонена. Через десять дней поэт получил ответ от графа Бенкендорфа, в котором сообщалось, что «его величество император не удостоился согласиться на его просьбу о дозволении отправиться за границу, полагая, что это очень расстроит его денежные дела, и в то же время отвлечёт от занятий. Что же касается желания Пушкина сопровождать наше посольство

в Китай, то оно теперь не может быть исполнено, так как все чиновники в него уже назначены и не могут быть переменены без уведомления о том Пекинского двора» [1, С. 135–136]. Поездка не удалась, и это лишило нас удовольствия читать впечатления от Китая великого поэта.

У Пушкина нет произведений, посвященных Китаю, не делился он своими размышлениями об этой стране и в переписке с друзьями, но как видно из черновиков, думал о Китае: то здесь, то там «промелькнёт» «китаец» или «Конфуций». Но что заставило его проситься в Китай? Первым постарался прояснить этот вопрос выдающийся советский литературовед, академик АН СССР, пушкинист Михаил Павлович Алексеев (1896–1981), опубликовав своё исследование «Пушкин и Китай» в сборнике «Пушкин и Сибирь» в 1937 году, и затем дополнив его через пятьдесят лет в монографии «Пушкин и мировая литература» (1987). В последующие годы новой информации по этому вопросу появилось не так много, здесь нужно отметить небольшую главу о Пушкине П. В. Денисова в монографии «Жизнь монаха Иакинфа Бичурина» (1997).

Для Пушкина Китай оставался неизвестной, таинственной страной, но что он хорошо знал, так это Францию. «Многочисленные и крепкие нити связывают творчество Пушкина с французской литературой и искусством XVIII века, — пишет М. П. Алексеев. — Можно считать прочно установленными, что в детстве и юности он впитал в себя всё наиболее значительное из того, что создала французская поэзия этой поры. Естественный вопрос, — мог ли он пройти мимо той «китаемании», которую так сильно захвачены были многие из властителей его дум? Достаточно вспомнить здесь хотя бы Вольтера. <...> Впечатления от этого офранцузенного Китая должны были, несомненно, усилиться у Пушкина в обстановке китайщины «Царского села» в эпоху его лицейской жизни» [1, С. 115].

А. С. Пушкин (1799–1837) родился в эпоху, когда увлечение Китаем стало проходить. Но он мог его себе представить по предметам интерьера в некоторых домах, постройкам в китайском стиле, которые ему приходилось наблюдать.

В Европе увлечение Китаем началось в XVII в. Во Францию на португальских и голландских кораблях стали завозить китайский фарфор, лаковые работы, лаковую мебель и другие предметы китайского искусства. В XVIII в. «возникает мода

на целые «китайские комнаты», для которых Ватто и Буше пишут свои условно-китайские декоративные панно, с театрализованными ландшафтами и блёклыми красками; новая мода сказывается и в архитектуре: в парках и местах увеселений всё чаще возводятся теперь китайские башенки, храмы и домики; им подражает и дворцовая архитектура, где изысканная линия тонет в обильной орнаментике и ассиметрия становится законом. Одновременно и китайский сад становится предметом восторга и подражания».[1, С. 111].

Китайская тема приходит и в европейскую литературу и философию. Китай представляется европейцам сказочной страной, и литература наполняется сценами «воображаемого Китая», страны с идеальным укладом жизни, который всё чаще противопоставляют современной действительности. В это время появляются «Китайские письма» маркиза д'Аржен (1741), «Гражданин мира» Гольдсмита (1762), «Персидские письма» Монтескье — «сатирические картинки европейской жизни с точки зрения идеального китайского наблюдателя» [1, С. 112]. В это время Европа сначала знакомится с философией Лао-цзы, затем — с философией Конфуция, которого «призвала в советники материалистическая философия и искала в нём точки опоры. Вольтер в ряде своих сочинений восторгается красотами китайской морали и прославляет китайский институт мандарината, столь подходивший к его теориям просвещённого абсолютизма. И характерно, что китайский сюжет нередко служит ему для целей острой философской полемики. Драма Вольтера «Китайский сирота», как известно, направлена против главного тезиса Руссо о том, что искусство и наука развращают нравы: Вольтер заставляет в ней одержать победу китайской цивилизации над воинственной дикостью Чингис-хана. <...> Вольтер замечает, что, если философ хочет говорить о событиях земного шара, он должен сначала бросить взоры на восток — «колыбель всех искусств, которой всецело обаян Запад»» [1, С. 112–113].

Хотелось иметь у себя «свой Китай» и Петру Великому (1672–1725). Торговля с Китаем только налаживалась, и Петр I часто давал поручения закупить «китайские раритеты» для петербургской Кунсткамеры. «Их доставляли в Санкт-Петербург караванами из Пекина через Сибирь и Урал или морем на кораблях Ост-Индской компании через Западную Европу. Восточные

«курьёзы» — занимательные предметы, механические игрушки, научные приборы, загадочные буддийские идолы и «натуралии», т. е. природные объекты и изделия из редких минералов (из агальматалина и нефрита), — представляли чудеса далёкого Китая. Этот «театр мироздания», как тогда называли кунсткамеры, удивлял, пробуждал любопытство и жажду познания неведомого» [12, С. 7]. Постепенно российская знать также стала собирать фарфор и другие предметы декоративно-прикладного искусства Китая, оформляя интерьер в китайском стиле, а в садах появились китайские беседки.

Как отмечает М. П. Алексеев, «русская китайщина екатерининских времён была сколком с французской» [1, С. 115]. Моду на китайское завела сама императрица Екатерина II (у власти с 1762 по 1796 год). «В эпоху, когда написание писем считалось искусством, Екатерина преуспела как корреспондент, доставляя удовольствие таким лицам, как Вольтер и Дидро, её живыми, интимными и на вид откровенными письмами» [15, С. 157]. В переписке с Вольтером она часто упоминала о Китае; а в переписке с принцем Ш. Ж. де-Линем (1735–1814) рассуждала о красотах китайского языка или сообщала выписку из пекинской газеты о «китайском императоре», «моём милом и церемонном соседе с маленькими глазами» [1, С. 115]. Переписка Екатерины с учёными «держала её в курсе художественных достижений в Западной Европе. Она также привлекала своих послов для приобретения красивых предметов и привлекала иностранных деятелей искусства поступить к ней на службу в России. В архитектуре, как и во всём другом, именно Екатерина завершила разрыв с прошлым, начатый Петром Великим. Она снесла последние уцелевшие остатки московского стиля и внушила своим людям позицию, которая сделала возможным для России не только отвернуться от традиционных форм, но даже разрушить их» [15, С. 157]. «В Ораниенбауме появляется «Китайский дворец» (1762–1768), в Царском селе — китайские постройки, наиболее крупный комплекс сооружений в китайском стиле. В 1779 году здесь по рисунку архитектора Камерона был построен китайский театр с островерхими окнами. «Внутреннее убранство в театре тоже в китайском вкусе, ложи в два яруса для придворных, а партер для публики. Во время императора Николая Павловича здесь очень часто летом давались французские спектакли. <...> Не-

далеко от театра находятся оранжереи и теплицы с 4-мя павильонами; налево — пруд с китайскими мостиками, грибок, китайские садики и цветники, наконец, китайская деревня, построенная по рисункам архитектора Камерона и состоящая из 19 домиков, посреди которых на площади высится большая круглая вала с куполом на подобие китайских пагод» [4, С. 12]. «Домы назначены для приезжавших ко Двору знатных гостей и кавалеров придворных. Некоторые домики внутри убраны были богато и красиво фаянсовыми печами и каминами, а стены фаянсовыми плитками, чему соответствовали и прочие внутренние уборы и украшения. <...> Построение и украшение сих домиков сделано всё во вкусе Китайском, по присланным от Российской в Пекине миссии планам, с коими соображаясь, Архитектор Камерон изготовлял уже планы и сметы для поднесения на Высочайшее благоусмотрение и утверждение» [14, С. 32–33]. «Какие прелестные, по обе стороны, садики, хотя и маленькие!» — писал Яковкин И. Ф. В 1820 году они были украшены чугунными решётками со столбиками и декором. Невдалеке находились два чугунные моста «в китайском вкусе и с такими же украшениями. Они, по данным чертежам, отлиты по частям на Сибирских заводах, и здесь поставлены на каменных фундаментах в 1772 году» [14, С. 165].

Российская периодика екатерининских времён подхватывает китайскую тему. Сумароков в 1759 году переводит с немецкого «Монолог из китайской трагедии, называемой Сирота», в «Пустомеле» сотрудничает один из первых русских синологов А. Леонтьев, автор «Завещания Юнджена, Китайского хана» и перевода с китайского «Чен-зья китайского философа совет» (напечатанного в «Трутне»). «Журналы второй половины XVIII века полны известий «о торговле европейцев в Китае», характеристиками китайского купечества, описанием фарфоровых фабрик и шёлковых заводов; в Ярославских «ежемесячных сочинениях» печатают «выписку из китайской книги, называемой примером добродетели для потомков, хранящейся в приказе нравоисправителей в Пекине». Вас. Григ. Рубан двумя изданиями выпускает посвящённую Петру Дм. Еропкину книгу «Китайский мудрец, или Наука жить благополучно в обществе» (1777). <...> Вас. Нечаев стихами переводит «Китайского сироту» Вольтера (1788, 1795). <...> Подражая Монтескье и Гольдсмиту, Сушкова помещает в «Собеседнике любителей Российского

слова» (ч. V, 1783) — «Письмо китайца к татарскому мурзе, живущему по делам своим в Петербурге», Дубровский переводит из Вольтера «О славе. Разговор с китайцем (1756), и его производят вновь в „Прохладных часах“ (1793)» и т. д. [1, С. 117]. Объём и размах русского увлечения Китаем был тогда весьма значителен, и эта мода пришла из Франции.

О том сильном влиянии, которое имела Франция на жизнь России, не без иронии указывает один из известных русских мемуаристов, знакомый Пушкина, Ф. Ф. Вигель в своих «Записках»: «Со времён Петра Великого судьба велит России покорствовать которому-нибудь из государств или народов европейских и поклоняться ему как идолу. Чтоб угодить Петру, надобно было сделаться голландцем; Германия владычествовала над нами при Анне Иоанновне и Бироне; при Елисавете Петровне появился Лашетарди, и начались соблазны Франции; они умножились и усилились страстию Екатерины Второй к французской литературе и дружбою её с философами восемнадцатого века. Петр III и Павел I хотели сделать нас пруссаками; в первые годы Александрова царствования Англия была нашею патроншей. Уж не Польша ли становится нашим кумиром?» [3, С. 154]. «Вместе с версальскими предрассудками вошла у нас в моду и французская литература, — продолжает Вигель, — в высшем обществе знали наизусть классических её авторов и век Людовика XIV ставили выше веков Августа и Перикла: знатные дамы с восхищением читали Массильйона и Бурдалу, и некоторые из них аббатами приготовлялись уже к восприятию католицизма; полупросвещённые повесы проповедывали безбожие и клялись Вольтером и Дидеротом; чувствительные юноши, женщины, принадлежащие ко второстепенным обществам, и молодые литераторы, также чуждые высшему кругу, пленялись нежностями, мадригалами, гримасными улыбка-ми мелких французских писателей» [3, С. 96].

Пушкин не мог не знать литературы XVIII в., как русской, так и французской. Это можно увидеть из характеристики, данной Пушкину его приятелем Н. М. Смирновым: «Пушкин, хотя в юности учился небрежно, но умел приобрести впоследствии обширные познания в литературе и истории. Он читал очень много и, одарённый необыкновенной памятью, сохранял все сокровища, собранные им в книгах; особенно хорошо изучил он российскую историю и из одной всю эпоху с начала цар-

ствования Петра Вел. до наших дней. Его голова была наполнена характеристическими анекдотами о всех знаменитых лицах последнего столетия, и он любил их рассказывать...» [6, С. 345].

Знакомство Пушкина с Китаем, пожалуй, начинается в Императорском лицее в Царском Селе, учреждённым в 1811 году императором Александром I и впоследствии переведённым императором Николаем I в Петербург. Лицей был учреждён «с целью образования юношества, особенно предназначенного к важным частям службы государственной и составляемого из отличнейших воспитанников знатных фамилий» [4, С. 4]. Лицей располагался в одном из корпусов дворца, где жили великие князья, и только небольшой аркой отделялся от чертогов царских. В числе воспитанников Царскосельского лицея кроме А. С. Пушкина, были барон Дельвиг, граф М. А. Корф, кн. Горчаков и др. При лицее находился благородный пансион. В 1838 году император Николай I связал Царское Село со столицей железной дорогой, и с того времени Царское Село сделалось одним из самых населённых дачных мест в окрестностях Петербурга, а также местом постоянного жительства многих петербуржцев [4, С. 4]. Вот именно этими аллеями ежедневно бродил Пушкин, мог ли он не думать о далеком Китае? Наверяд ли. В его библиотеке была найдена книга «История Села Царского. В трёх частях. Составленная из дел Архива правления Села Царского Ильёю Яковкиным. СПб. 1829–1831» с пометкой «Пушкин», что говорит о том, что его интересовала история строительства Царского Села [10, С. 605]. В начале XIX в. облик Села стал быстро меняться, но в некоторых уголках его ещё можно было уловить дух XVIII в.

Пушкину приходилось встречаться с китайскими постройками и в Москве. «В позднем «Путешествии из Москвы в Петербург» Пушкин, рассуждая о «невинных странностях москвичей», писал, что они «жили по-своему, забавлялись как хотели, мало заботясь о мнении ближнего. Бывало, богатый чудаков выстроит себе на одной из главных улиц китайский дом с зелёными драконами, с деревянными мандаринами под золочёными зонтиками. Другой выедет в Марьину рощу в карете из кованного серебра 840-й пробы» [2, С. 323].

Знания о Китае Пушкин мог почерпнуть и из театра, который он посещал на протяжении трёх лет после окончания Лицея (1817). Он был

в курсе всех театральных жанров, любил оперу и в особенности балет. Изучая черновики Пушкина, Ю. Слонимский [11] пришёл к выводу, что под впечатлением от китайского балета Шарля-Луи Дидло, который ставился в Петербурге осенью 1819 года, Пушкин писал свою первую главу «Евгения Онегина» [2, С. 325]. «30 августа состоялась премьера единственного в первой трети века балета, где китайцы являлись главными действующими лицами и выступали бок о бок с амурами и змеями. <...> Это были образы балета Ш. Дидло «Хензи и Тао, или Красавица и чудовище. Большой китайский балет в 4-х действиях, сочинённый г-ном Дидло», как гласили афиши и отдельно изданное либретто (СПб., 1819), на музыку Антонолини, с декорациями Каноппи, Тозелли и Кондратьева, машинами Бюрсе и костюмами Бабини» [2, С. 325].

Ю. Слонимский считал, что Пушкин посещал этот балет не раз. Алексеев уверен в одном посещении, а именно 30 октября 1819 года. Как указывает М. П. Алексеев, в своей первой редакции «этот балет был поставлен Дидло в период его театральной деятельности в Англии в Королевском театре в Лондоне (на музыку Федеричи; 14 мая 1801 года). Восемнадцать лет спустя в Петербурге этот балет был поставлен в совершенно обновлённом и переделанном виде» [2, С. 325].

«В конце XXI строфы Пушкин описал ощущения своего разочарованного, рассеянного и скептического героя Онегина в театральных креслах на представлении балета Дидло и вложил ему в уста фразу:

Балеты долго я терпел,
Но и Дидло мне надоел». [2, С. 324]

«Из следующей XXII строфы выясняется, что Онегин покинул театр до окончания балетного спектакля:

Ещё амуры, черти, змеи
На сцене скачут и шумят;
.....

А уж Онегин вышел вон:
Домой одеться едет он.

Ю. Слонимский обратил внимание на то, что в вариантах этой строфы есть загадочные строки, в конце концов выброшенные из текста (или заменённые поэтом):

Ещё китайцы, боги, змеи
Или
Ещё китайцы, черти, змеи <...> есть ещё строка:
В четвёртом действии шумят» [2, С. 324].

Как замечает Алексеев, в черновиках первой главы «Евгения Онегина», писанных в Одессе не позже июня 1823 года, работая над характеристикой исторического образования, полученного Онегиным, Пушкин размышляет о Китае.

«Мудрец Китая
[Зачеркнуто: Конфуций]
Нас учит юность уважать
[и]
[От заблуждений охранять] (?)
[Не торопиться осуждать]
[Она одна даёт надежду]
[Надежду мож]». [1, С. 125]

Упоминание о Конфуции в последствии было вычеркнуто из текста, и мы так и не узнаем, как Пушкин хотел связать упоминание о Конфуции с Онегиным.

Во время своей ссылки на юг (1820–1824) Пушкин побывал на Кавказе, в Крыму, в Кишинёве и Одессе. В Кишинёве и Одессе Пушкин встречался со знакомым Ф. Ф. Вигелем, немного знавшем о Китае. В 1805 году Вигель, которому шёл девятнадцатый год, отправился с посольством графа Ю. А. Головкина (1762–1846) в Китай, но посольство потерпело неудачу в связи со многими ошибками, допущенными послом, и не было допущено в Пекин, посол был отправлен китайским ваном (титул правителя в Китае) из Урги обратно в Россию [3, С. 248]. Но Вигель, добравшийся только до Маймачина, китайской слободы, расположенной в Монголии у русской границы, напротив Кяхты, сохранил в памяти образ этого китайского городка, воспоминаниями о котором наверняка делился в беседах с друзьями.

В 1824 году вышло трёхтомное «Путешествие в Монголию и Китай» Егора Тимковского. С 1825 года немалое внимание Китаю и соседним странам стал уделять «Московский Телеграф» и «Сибирский Вестник» Григория Спасского, в 1825 году переименованный в «Азиатский Вестник». В апреле 1825 года из Михайловского Пушкин среди прочих книг неожиданно заказывает брату ««Сибирский Вестник» весь» [1, С. 127], где было немало материалов о Китае, среди которых — путешествие в Китай сибирского казака Ивана Петлина и «журнал» Спафария, китайские политические известия и переводы сочинений европейских синологов. «Сибирский Вестник» сохранился в составе его библиотеки за время с 1818 до 1824 гг. с пропусками отдельных книг.

Подогреть интерес к Китаю могли и факты из биографии прадеда Пушкина (деда его матери, Надежды Осиповны Пушкиной, рождённой Ганнибал), который побывал у стен Китая. В архиве Пушкина найден текст перевода немецкой биографии Абрама Петровича Ганнибала¹ (1697 (1698?)–1781), родоначальника русского рода Ганнибалов, сделанный Пушкиным на пяти листах (десяти страницах) предположительно между августом 1825 года и августом 1827 года. Из этого перевода становится известно, что после смерти императрицы Екатерины I Ганнибал был удалён от двора князем Меншиковым, «по ту сторону реки Амура, к тогдашней китайской границе, к предприятю, которое, как казалось, почти только для той цели и было создано, чтобы удержать Ганнибала по возможности долго вдали от двора до окончательного забвения. И даже после падения Меншикова стоящие у кормила государства князья Долгоруковы проявили столь же мало потребности видеть Ганнибала при дворе, и он по-прежнему остался на границе Китая» [10, С. 55].

Приблизительно в 1827–1828 годах происходит знакомство Пушкина с выдающимся основоположником российской синологии Никитой Яковлевичем Бичуриным (о. Иакинф, 1777–1853). Бичурину на момент их знакомства было около 50 лет, Пушкину 28. Бичурин был направлен в Китай в 1807 году в качестве начальника 9-й пекинской православной Духовной миссии и прожил в Китае 14 лет (1807–1821), «откуда вернулся в Петербург в январе 1822 года с громадным сундуком редкостей и рукописей и замечательным знанием китайского языка» [1, С. 128].

По возвращению в Петербург он был «помещён на жительство в Александро-Невскую лавру и причислен к министерству иностранных дел. Вскоре он стал появляться в высшем свете Петербурга в своём оригинальном полумонашеском костюме, со своей образцовой французской и английской речью и незаурядными познаниями по истории Дальнего Востока. Его заметили здесь и оказали ему покровительство и поддерж-

ку; недаром его первая книга «Описание Тибета» посвящена кн. Зинаиде Волконской. В то же время он сделался желанным сотрудником многих журналов, «Московского Телеграфа», «Московского Вестника» и др., Пушкин не мог не обратить на него внимания. Они познакомились и между ними установились весьма дружественные отношения» [1, С. 129].

Вернувшись из Китая, Бичурин стал активно заниматься литературной деятельностью, издавая заготовленные им в Пекине материалы. Интересовавшийся Востоком Пушкин не мог не знать его научных публикаций в столичных журналах. После знакомства поэт и учёный, вероятно, не раз встречались в литературных салонах столицы, где могли вестись оживлённые беседы на тему Востока. «Академик М. П. Погодин, описывая литературный салон князя В. Ф. Одоевского, писал: «С тех пор как Одоевский начал жить в Петербурге своим хозяйством, открылись у него вечера, однажды в неделю, где собирались его друзья и знакомые, — литераторы, учёные, музыканты, чиновники. Это было оригинальное сборище людей разнородных, часто даже между собой неприязненных, но почему-либо замечательных. Все они, на нейтральной земле, чувствовали себя совершенно свободными и относились друг к другу без всяких стеснений. Здесь сходились весёлый Пушкин и отец Иакинф с китайскими, сузившими глазками, толстый путешественник, тяжёлый Немец — барон Шиллинг, возвратившийся из Сибири, и живая, миловидная графиня Раstopчина, Глинка и профессор химии Гесс, Лермонтов и неуклюжий, но многознающий археолог Сахаров. Крылов, Жуковский и Вяземский были постоянными посетителями. Здесь впервые явился на сцену большого света Гоголь, встреченный Одоевским на первых порах с дружеским участием. Беспристрастная личность хозяина действовала на гостей, которые становились и добрее, и снисходительнее друг к другу» [7, С. 56–57; 5, С. 104–105].

Если говорить об отношениях Пушкина и Бичурина, то у них было много общего, взять, например, изучение языков. Бичурин внёс большой вклад в изучение китайского языка, составив первую «Китайскую грамматику» (1837), Пушкин тоже страстно изучал языки. «Прежде всего поражает обилие языков, которых в той или иной степени касался Пушкин. Французский, старофранцузский, итальянский, испанский, английский, немецкий,

1. Авраам Петрович Ганнибал – крестник и пенсионер Петра I во Франции, заслуженный генерал-аншеф русской императорской службы, кавалер орденов св. Александра Невского и св. Анны. Он был родом африканский арап из Абиссинии; сын одного из местных могущественных и богатых влиятельных князей, возводящего своё происхождение по прямой линии к роду знаменитого Ганнибала, грозы Рима.

древнегреческий, латинский, древнерусский, церковнославянский, сербский, польский, украинский, древнееврейский, арабский, турецкий — шестнадцать языков» [10, С. 22]. «Вот что писал современник, очевидно, Сенковский, об изучении Пушкиным языков: «Из языков он тогда в Лицее знал один только французский и весьма слабо латинский. После, уже в зрелом возрасте, выучился по-итальянски, по-немецки, по-английски и по-польски, и то в той степени только, в какой это знание было необходимо для чтения великих образцов поэзии и литературы. В самом чтении он отличался тою же быстротою соображения и проницательностью, которые давали ему возможность и на зелёной лавке равняться в успехах с прилежнейшими товарищами: часто, не понимая буквально Шекспира, Гёте, Байрона, он угадывал их, постигал и толковал вернее и остроумнее, чем иногда хорошие знатоки языка, переводчики и комментаторы по званию» [Цит. по 10, С. 21–22].

Объединяло Пушкина и Бичурину и христианская вера. Как было сказано выше, Пушкин владел церковнославянским языком, необходимым ему для чтения Библии. «Знание церковнославянского языка было естественно для каждого грамотного человека сто лет назад. Библия была читаемой книгой. На русском языке её ещё не было, — её читали на французском или церковнославянском языке. Пушкин, сидя в Михайловском, в ссылке, несколько раз писал, чтобы ему прислали две библии, т. е. на этих двух языках. Ещё в 1821 году сделал он перевод из «Песни песней» царя Соломона с церковнославянского языка. Занимался Пушкин и древнерусским языком, и им проделана большая работа над текстом «Слова о полку Игореве» [10, С. 24].

Найденные в библиотеке Пушкина книги Иакинфа говорят о том, что последний относился к Пушкину с большой симпатией и теплотой. Так, первую свою книгу «Описание Тибета о нынешнем его состоянии с картою дороги из Чен-Ду до Хлассы (sie). Перевод с китайского, СПб. 1828» Бичурин подписал «Милостивому государю моему Александру Сергеевичу Пушкину от переводчика в знак истинного уважения. Апрель 26 дня 1828 г.» [1, С. 132]. В 1829 году Бичурин подарил Пушкину свою седьмую по счёту книгу «Сан-Цзы-Цзинь и троесловие с литографированным китайским текстом» (СПб., 1829), с подписью «Александру Сергеевичу Пушкину от переводчика» [1, С. 133]. Известно также, что

уже после подготовки рукописи «Истории Пугачёва» к печати Пушкин ознакомился с трудом Н. Я. Бичурина «Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени» (которая вышла отдельным изданием в 1834 году и получила высокую оценку научных кругов, а в 1835 году Н. Я. Бичурин был награждён за этот труд Российской академией наук полной Демидовской премией). Поэтому сведения из этого труда Пушкин оформил как приложение «к своей рукописи соответствующих страниц журнального оттиска» [5, С. 106]. Так, в «Истории Пугачёва» он с благодарностью отметил: «Самым достоверным и беспристрастным известием о побеге калмыков обязаны мы отцу Иакинфу, коего глубокие познания и добросовестные труды разлили столь яркий свет на сношения наши с Востоком. С благодарностью помещаем здесь сообщенный им отрывок из неизданной ещё его книги о калмыках» [Цит. по 5, С. 106].

В начале 1830 года отец Иакинф собирался ехать в экспедицию вместе с Шиллингом Ф. Канштадтом, снаряжённую Министерством иностранных дел для обследования положения местного населения и собрания сведений о торговле у северных и западных границ Китая (район Халха-Монголии). «Помимо Н. Я. Бичурина в состав экспедиции был зачислен приятель А. С. Пушкина, литератор В. Д. Соломирский, в обязанности которого входило ведение экспедиционной документации. В качестве переводчика участников экспедиции сопровождал молодой бурят Ринчин Ванчиков, оказавшийся превосходным посредником между учёными и бурятским населением. В Забайкалье к работе экспедиции привлекались бывший студент Десятой духовной миссии в Пекине К. Г. Крымский и ряд представителей местной администрации. По замыслу П. Л. Шиллинга, должность секретаря экспедиции предназначалась А. С. Пушкину» [5, С. 106]. Следует полагать, что этим можно объяснить письмо Пушкина от 7 января 1830 года к графу А. Х. Бенкендорфу с просьбой поехать в Китай.

Несмотря на полученный отказ посетить Среднюю империю, мысли об этой стране всё же не покидали Пушкина. Известно, что когда через несколько месяцев, в мае 1830 года, Пушкин на несколько дней посетил имение Гончаровых «Полотняный Завод» около Калуги, он пользовался книгами Жана-Батиста Дюгальда в русском переводе «Описание Китайской империи» (Ч. I и Ч. II)

и «О градах китайских»² [13, С. 36]. «Описание Китайской империи. Ч. II» в русском переводе сохранилась в личной библиотеке Пушкина.

Таким образом, мы видим, что, живя в эпоху, когда активно развивались российско-китайские отношения, А. С. Пушкин не мог быть в стороне от политическо-экономических событий страны. Интерес к Китаю подогревали переводы китайских текстов в российских журналах. В то время только начинала развиваться отечественная китаистика, и Пушкин был знаком с одним из выдающихся синологов своего времени — Н.Я.

2 Вероятнее всего, это — книга английского архитектора Чемберса «О садах китайских» в русском переводе, вышедшая двумя изданиями в 1772 г.

Бичуриным, с которым у него сложились тёплые отношения. Пушкин много читает о Китае, пытается «разобраться» в этой теме, возможно, накапливая материал, и мысли о Китае не оставляют его даже после отказа на просьбу посетить Китай. Но жизнь поэта скоростно оборвалась, и таинственный Китай остался на страницах черновика... Л. Н. Толстой в разговоре с А. В. Жиркевичем 20 декабря 1890 года скажет: «Вся наша так называемая "классическая литература" может быть названа молодостью. Пушкин, Лермонтов, Гоголь — всё это умерло, как назло, в ту минуту, когда талант их креп, когда они могли подарить миру действительно капитальные, поразительные вещи...» [Цит. по 8, С. 21].

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев М. П. Пушкин и Китай // А. С. Пушкин и Сибирь: [Сборник статей]. — Москва; Иркутск: Востсибоблгиз, 1937.
2. Алексеев М. П. Пушкин и мировая литература. — Ленинград: Наука, 1987.
3. Вигель Ф. Ф. Записки. — М.: Артель писателей «Круг», 1928. Т. 1.
4. Волков А. Царское село: его дворцы, парки, сады, памятники в прошлом и настоящем. — М.: Т-во М. О. Вольф, 1894.
5. Денисов П. В. Жизнь монаха Иакинфа Бичурина. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1997.
6. Дневник А. С. Пушкина (1833–1835). — М.; Пб.: Гос. издательство, 1923.
7. Погодин М. П. Воспоминания о князе Владимире Фёдоровиче Одоевском // На память о князе Владимире Фёдоровиче Одоевском. Заседание Общества любителей российской словесности 13 апреля 1869 года. — М.: Тип. «Русского», 1869.
8. Полосина А. Н. Л. Н. Толстой и А. С. Пушкин: сравнительная история личных библиотек // Учёные записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки», 2018. — Т. 1 60, кн. 1. С. 17–28.
9. Пушкин. А. С. Полное собрание сочинений в десяти томах. — Т. 10. Письма. — М.: Издательство «Наука», 1966.
10. Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тесты / Подготовили к печати и комментировали М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. — Москва; Ленинград: Academia, 1935.
11. Слонимский Ю. И. Балетные строки Пушкина. — Л.: Искусство, 1974. С. 79–80.
12. Соснина О. А. Воображаемый Китай в русской культуре — от шинуазри до авангарда // Воображаемый Восток: Китай «по-русски». XVIII — начало XX века / Сост. О. А. Соснина. — М: Кучково поле, 2016. С. 6–23.
13. И. Щеглов И. Подвижник слова: новые материалы о Н. В. Гоголе / Иван Щеглов. — СПб.: «Мир» В. Л. Богушевского, 1909.
14. Яковкин И. Ф. Описание села Царского, или Спутник обозревающим оное, с планом и краткими историческими объяснениями, составленное Ильёю Яковкиным. — СПб.: в Типографии Департамента Народного Просвещения, 1830.
15. T. Talbot Rice. Czars and Czarinas of Russia. New York: Lothrop, Lee and Shepard Co., Inc., 1968.